

**Марина Викторовна
НЕМЫТИНА,**

профессор кафедры
публичной политики
и истории государства
и права Российского
университета дружбы
народов имени Патриса
Лумумбы,
доктор юридических наук,
профессор
nemytina_mv@rudn.ru
117198, Россия, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Истоки и источники конституционализма и прав человека в России

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления конституционализма и прав человека в России, что имеет существенное значение при формировании доктрины национальной конституционной идентичности. Автор статьи выявляет истоки, источники, особенности отечественного конституционализма как социокультурного и политико-правового феномена, а также системы отношений, основанной на формальном равенстве и придании действиям властей подзаконного характера. В статье аргументируется, что конституционные принципы и институты впервые получили законодательное оформление в России во второй половине XIX в. Последовавшая за отменой крепостного права судебная реформа Александра II провозгласила принцип равенства всех подданных Российской империи перед законом и судом, одновременно власть императора лишилась прерогатив в сфере правосудия. Дальнейшее движение России по пути упрочения конституционного порядка и реализации прав человека было связано с введением Манифеста 17 октября 1905 г. и внесением изменений в Основные государственные законы в 1906 г. В статье обосновывается природа российского конституционализма как внутрисистемного реформизма, обусловившего постепенный переход российского общества на новый уровень правовой культуры. **Ключевые слова:** российский конституционализм, права человека, конституционные принципы и институты, принцип формального равенства, правовая культура, Судебные уставы 1864 г., Манифест 17 октября 1905 г.

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.062-071

Marina V. NEMYTINA,

Professor of Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples'
Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Dr. Sci. (Law), Professor
nemytina_mv@rudn.ru
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

Origins and Sources of Constitutionalism and Human Rights in Russia

Abstract. The article examines the challenges of establishing constitutionalism and human rights in Russia. It holds particular significance in the context of shaping the doctrine of national constitutional identity. The author explores the origins, sources and features of domestic constitutionalism as a socio-cultural and political-legal phenomenon, as well as a system of

relations based on formal equality and subordinate character of authority's actions. Following the abolition of serfdom, Alexander II's judicial reform enshrined the principle of equality for all Russian subjects before the law and the courts. Simultaneously, the emperor's power relinquished its prerogatives in the sphere of justice. Russia's subsequent progress toward strengthening constitutional order and advancing human rights was marked by the enactment of the October 17, 1905, Manifesto and amendments to the Basic State Laws in 1906. The article characterizes Russian constitutionalism as an intra-system reformist movement that facilitated the gradual transition of Russian society to a higher level of legal culture.

Keywords: Russian constitutionalism, human rights, constitutional principles and institutions, the principle of formal equality, legal culture, Judicial Statutes of 1864, Manifesto of October 17, 1905

Конституционализм как социокультурный и политико-правовой феномен

В русле формирования доктрины национальной конституционной идентичности¹ необходим взвешенный и объективный взгляд на историю конституционализма в России, сочетающую «как универсальные ценности и институты, так и национальные особенности их реализации»². Обращая внимание на многообразие проявлений и форм существования конституционализма в социокультурном контексте³, следует попытаться определить момент его появления и выявить некоторые тенденции его развития применительно к России, воссоздавая целостный образ отечественного конституционализма.

Размышляя о природе и сущности конституционализма, учитывая многообразие его проявлений, форм существования и векторов развития в России и мире, анализируя имеющие место в научном дискурсе доктринальные подходы, можно предложить следующее определение: «Конституционализм как феномен правовой культуры представляет собой совокупность определяющих жизнь индивида,

¹ Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отмечает, что понятие конституционной идентичности в российской конституционно-правовой практике появилось относительно недавно и было впервые использовано в постановлении Конституционного Суда от 14 июля 2015 г. по известному делу, в котором шла речь о соотношении норм Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, при этом доктринальные подходы к конституционной идентичности формировались гораздо раньше. См.: Зорькин В. Д. Право против хаоса. 2-е изд. М., 2019. С. 185.

² Кравец И. А. Культурная экспансия конституционализма и государственно-правовая традиция: российский опыт на перекрестке XX—XXI веков // Право — явление цивилизации и культуры. Вып. I / отв. ред. М. В. Немицина. М., 2019. С. 299.

³ Известный венгерский ученый, представлявший свою страну в Европейском суде по правам человека, А. Шайо утверждает, что «конституционализм, словно широкое покрывало, может охватывать многое» (Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001. С. 8).

общества и государства ценностей, принципов и институтов, среди которых: формальное равенство как условие свободного развития личности; исторически сформировавшийся каталог прав человека...»⁴.

Определяя истоки конституционализма в его сущностных проявлениях во времени и пространстве, нужно исходить из следующего: «Конституционализм появляется там и тогда, где и когда в обществе на уровне общественного сознания, законодательства и социальных практик утверждается минимум свободы и правовые ограничения для власти. Конституционализм можно рассматривать как явление социальной реальности и специфическую систему отношений, основанную на формальном равенстве, придании подзаконного характера деятельности властей...»⁵.

Конституционализм — явление культуры, и его нельзя сводить к юридическим формам и политико-правовым отношениям. «Наряду с анализом законодательных актов, сопряженным с поиском высокого смысла содержащихся в них принципов, норм и институтов, носящих конституционный характер, необходим глубокий контекстный анализ социальной реальности, в которой произрастает и разворачивается конституционализм как политико-правовой феномен»⁶.

Известный исследователь конституционализма А. Н. Медушевский обоснованно ставит вопрос о том, «каковы объективные параметры, позволяющие говорить о том, состоялся конституционализм или нет»⁷. При этом автор обращает внимание на различный масштаб понимания конституционализма и отмечает, что «если одни включают в него не только собственно юридические параметры, но и общекультурные, то другие являются сторонниками узкой (юридической) трактовки»⁸.

При определении истоков российского конституционализма и прав человека как его неотъемлемой составляющей имеют значение не только источники (формы) права в юридическом смысле, но и социальная среда, в которой зарождались и получали развитие конституционные начала. При этом рассмотрение проблематики конституционализма в широком социокультурном контексте не умаляет значимости его юридических характеристик, что предполагает определение момента первой фиксации в российском законодательстве конституционных по своей сути норм, которые могут воплотиться не только в виде основного закона страны. Первична не форма, а содержание — конституционные по своему характеру трансформации в обществе, связанные с утверждением начал равенства и свободы, прав и свобод человека, сбалансированной системы публичной власти, учитывающей интересы личности, общества и государства. Таким образом, реальный

⁴ См. подробнее: *Немытина М. В.* Российский конституционализм как внутрисистемный реформизм: вторая половина XIX — начало XX в. // Конституция и права человека: современная доктрина и практика : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М., 2021. С. 114.

⁵ *Немытина М. В.* Российский конституционализм как внутрисистемный реформизм... С. 117.

⁶ См. подробнее: *Немытина М. В.* Российский конституционализм как политико-правовой феномен // Историко-правовые исследования: новый ракурс. 2023. № 3. С. 107.

⁷ *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2005. С. 18.

⁸ *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 29.

источник конституционализма — это социокультурная среда, в которой зарождаются, произрастают, разворачиваются, укрепляются конституционные начала.

Конституционализм как социокультурное и политико-правовое явление находит отражение в соответствующей категории, используемой политиками, юристами, философами, историками, политологами. Выдающийся российский правовед В. Г. Графский обратил внимание на необходимость «надлежащего истолкования... загадочного по смыслу термина, который именуется “конституционализм”»⁹. Ученый предложил почти что всеобъемлющую характеристику исследуемого явления, точно и емко отразив его сущность и природу: «Конституционализм есть нечто обдуманно учреждаемое в виде институтов и норм (благодаря замыслам, идеям или программному требованию определенного политического реформаторства, движения), либо учрежденное формально (т.е. уже закрепленное законодательно и организационно в виде институциональных учреждений и процедур) и функционирующее реально (пребывающее в постоянном целенаправленном и процедурно-выверенном варианте деятельности) в целях безопасности лиц и имущества. Главное назначение такого устройства — возведение преград произволу и насилию в любой области общенародной социальной и политической деятельности, в первую очередь в деятельности государственных учреждений»¹⁰.

Если определять подлинные конституционные начала, те, что имеют первоочередное значение, то нужно прежде всего выделить принцип формального равенства, равенства перед законом и судом, и защиту личности от произвола, прежде всего от произвола властей. В. С. Нерсисянц пишет «О внутреннем единстве и общем смысле формального равенства, единого масштаба и равной меры свободы индивидов, всеобщей справедливости». Исходное состояние права и его сущность выдающийся российский ученый определяет следующим образом: «Право — это формальное равенство, право — это всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей, право — это всеобщая справедливость»¹¹.

«Универсальность формального равенства как базового принципа правовой регуляции, — отмечает Н. В. Варламова, — проявляется в том, что он комплексно и всесторонне определяет правопорядок: воплощает в себе требования как к содержанию позитивного права, так и к формам и способам его установления и защиты»¹².

Следует обратить внимание на взаимосвязь сущностных свойств права и исходных параметров конституционализма. Тем самым определились векторы поиска истоков конституционализма, исходной точкой и базовым принципом которого является формальное равенство всех и каждого.

⁹ Графский В. Г. Конституционализм как предмет изучения // Право. Журнал высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 3.

¹⁰ Графский В. Г. Указ. соч. С. 12.

¹¹ Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М., 1997. С. 35.

¹² Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация : монография. М., 2024. С. 335.

Формирование конституционализма в России

Представляется, что история российского конституционализма недостаточно хорошо изучена, причина тому — многогранность этого феномена, когда исследователи акцентируют внимание на одних его проявлениях и не замечают других, видят формальную сторону конституционализма и не улавливают сущностных его проявлений в социокультурном контексте, а также подчас игнорируют логику исторического процесса, в которую встраивался отечественный конституционализм с его принципами и институтами.

Отрицательно сказалось и то, что заложенная в дореволюционный период отечественная конституционная традиция была прервана. Формальная юридическая составляющая — количество принятых в короткий исторический промежуток времени советских конституций — не способствовала качественному улучшению конституционных отношений, как и их научному осмыслению. Новый виток своего развития российский конституционализм получил в 90-е гг. XX в., что привело также к необходимости глубокого осмысления этого феномена в правовой науке.

Обращаясь к истокам и источникам российского конституционализма, категорически нельзя согласиться с теми авторами, которые пытаются искать конституционные начала и права человека в памятниках русского права ранних периодов (Русской Правде, Псковской и Новгородской судных грамотах, Судебниках и др.), не задумываясь над тем, что в этих документах превосходство представителей одних социальных групп населения над другими не только не скрывалось, но и всячески подчеркивалось законодателем. Такой подход нарушает принцип историзма, согласно которому то или иное явление или процесс могут зародиться только в определенном социокультурном пласте.

Определяя истоки и источники российского конституционализма, следует принять во внимание, что, во-первых, зарождение конституционализма в России возможно только в конце XVIII в., что неизбежно влечет за собой признание восприятия нами уже наработанного и выстраданного в ходе революций европейского конституционного опыта, форм и способов защиты прав человека; во-вторых, конституционализм и права человека первоначально получают идеологическое обоснование и только потом оформляются юридически и документально, после чего проходят сложный путь до реального воплощения в жизнь.

Первичные конституционные идеи, сформировавшаяся конституционная идеология «заряжают» общество и на волне реформ и революций заставляют законодателя юридически оформленные равенство в правах и ограничение произвола власти. Получившие нормативную правовую регламентацию конституционные принципы, причем не обязательно юридические, оформленные в виде Основного закона, институционально утверждаются в обществе и государстве, получают развитие в социально-политических практиках и правоотношениях. Проникая в ткань жизни общества, конституционные идеи, принципы, институты могут становиться социальными ценностями.

Нельзя согласиться и с теми авторами, которые отдают предпочтение юридической форме — принятию конституции как основного закона страны. Считая отправной точкой отечественного конституционализма Конституцию РСФСР 1918 г., отдельные авторы не придают значения тому, что в данном документе

содержались существенные ограничения прав человека, адресованные представителям так называемых «бывших эксплуататорских классов», к которым не всегда справедливо причислялись определенные слои населения, к примеру духовенство, включая «черное», монашеское. Возможно, что нашедшее отражение в последующих советских конституциях социальное равенство и должно было стать высшей точкой развития конституционализма, не только в нашей стране, но и в мире, однако оно достигнуто не было. Неслучайно советская правовая доктрина предлагала различать формальную и фактическую конституции, понимая под последней реальное соотношение социальных сил в обществе.

Наиболее устоявшейся точкой зрения относительно появления конституционализма и прав человека в России является та, которая связывает их с принятием Манифеста 17 октября 1905 г. и созданием Государственной думы как учреждения парламентского типа. Так, А. Н. Медушевский, обосновывая цикличность развития конституционализма и выделяя конституционные циклы в истории России и зарубежных стран, первый российский цикл связывает «с конституционной Революцией 1905—1907 гг.», обозначая «переход от абсолютизма к монархическому конституционализму» и далее в рамках этого же цикла «к режиму мнимого конституционализма»¹³. Последнее свидетельствует о том, что автор подвергает сомнениям как степень последовательности в реализации конституционных принципов со стороны властей, так и уровень зрелости складывавшихся на тот момент в российском обществе конституционных отношений.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»¹⁴, подписанный императором Николаем II, ввел, как отмечали современники, пять свобод: неприкосновенность личности, свободу совести, свободу слова, собраний и союзов, избирательные права. Однако текст этого документа занимает не более одной страницы, что свидетельствует о его декларативном характере, прописанные в нем права не были подкреплены механизмом реализации. Нельзя также считать, что с введением в этот период в России Государственной думы сложились основы конституционного парламентского правления. Сохранение прерогатив российского императора как неограниченного правителя в новой редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г.¹⁵ выражалось, в частности, в предоставлении ему права роспуска Государственной думы, чем Николай II дважды воспользовался. Тем не менее представители некоторых общественно-политических течений считали, что для дальнейшего развития России важен не сам факт учреждения Государственной думы, а то, что через этот орган могут быть проведены меры конституционного характера.

Необходимо отметить, что в научном дискурсе о начале российского конституционализма не уделено должного внимания периоду реформ второй половины XIX в., наиболее значимой из которых для развития общественной жизни явилась отмена крепостного права в 1861 г., а наиболее последовательной — судебная реформа 1864 г. Между тем именно в ходе реформ, предпринятых

¹³ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 276—277.

¹⁴ См.: Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1994. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 41.

¹⁵ См.: Российское законодательство X—XX вв. Т. 9. С. 42—52.

правительством Александра II, в России впервые получил нормативную правовую регламентацию принцип формального равенства и были заложены основы правового статуса личности.

Так, в Указе императора Александра II Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г., возвестившем о проведении в Российской империи судебной реформы, впервые был провозглашен принцип равенства всех российских подданных перед законом и судом, что конкретно выражалось в намерении ввести в России суд «равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние...»¹⁶.

«Отцами» судебной реформы была сконструирована такая судебная система, при которой суды стали независимы, а судьи несменяемы, поскольку император и вся замкнутая на него вертикаль административных учреждений лишались прерогатив в сфере отправления судопроизводства, что положило начало реализации в России принципа разделения властей. Следует обратить внимание и на проведенные в тот период реформы местного самоуправления — с принятием Земского положения 1864 г. и Городового положения 1870 г. в России началось формирование всесословных представительных учреждений, что также свидетельствует в пользу конституционализма.

Как уже было отмечено, российский конституционализм получает идеологическое обоснование в конце XVIII в. В первой половине XIX в. конституционные идеи не просто «витали в воздухе», они были оформлены в конституционные проекты в рамках различных общественно-политических течений, из чего следует широкая палитра представлений о возможных путях конституционного развития России. В середине XIX в. конституционные проблемы обсуждались внутри правительственного лагеря, в ближайшем окружении императора Александра II, в контексте готовившихся в стране реформ. Речь шла о степени уступок со стороны российского самодержавия, следовательно, о возможном ограничении этой политической формы путем внедрения в российскую жизнь элементов конституционного строя.

Внутрисистемный реформизм правительства Александра II изначально был направлен на то, чтобы «не впустить» в Россию распространившиеся к тому времени в Европе конституционные начала и парламентские формы, способные поколебать и даже разрушить самодержавный строй, что вполне объяснимо — любой правящий режим стремится к самосохранению. Вопросы о возможности принятия в России Основного закона и введении парламентского правления на тот момент были сняты «с повестки дня». При этом сложилась парадоксальная ситуация, когда при введении новых судов император и его окружение по доброй воле ограничили свои прерогативы в сфере суда. То, что по Судебным уставам 1864 г. суды стали независимы от администрации, а судьи несменяемы, означало введение принципа разделения властей.

Правовые начала, которые в других странах (Англии, Франции и США) внедрялись в ходе революций, в России появились в результате реформ, проводимых

¹⁶ Цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1 : Уст. гражд. суд. СПб., 1867. С. XXXVIII.

«сверху». Формальное равенство, судебная защита личности от произвола, независимость судов и судей, суд присяжных впервые появились в российском обществе как результат действий правительства Александра II по внутрисистемному реформированию и были закреплены фрагментарно в Судебных уставах 1864 г., законодательных актах о судеустройстве и судопроизводстве, а не в декларациях или конституциях, как это случилось в других странах.

Спустя 160 лет после начала реализации провозглашенных судебной реформой Александра II конституционных принципов и институтов подлинный смысл этого преобразования еще не оценен исследователями должным образом. В научной литературе продолжает доминировать перешедшая из советской историографии точка зрения о том, что реформы второй половины XIX в. не поколебали основ российского самодержавия, в то время как в действительности именно тогда в России были заложены основы конституционализма. В судебной реформе 1864 г. улавливается тонкий замысел со стороны либерального окружения Александра II по внедрению в российское общество конституционных начал. Так, по свидетельству государственного секретаря А. А. Половцова, император Александр III, оценивая результаты царствования своего отца, считал, что Судебные уставы 1864 г. «были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был первый шаг»¹⁷. Замысел либерального окружения Александра II по постепенному «переводу» России на «рельсы конституционализма» посредством реформ представляется реалистичным.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать следующие выводы.

1. Существующие в юридической науке и практике конституционного строительства тренды, связанные с поиском национальной конституционной идентичности в «широкой панораме конституционного развития различных государств» и со «стратегическим конституционализмом», конституционализацией различных сфер жизни современного общества¹⁸, должны опираться на традиции конституционного развития как часть правовой культуры. Необходим поиск истоков и источников конституционализма на правовой карте мира. И в этом смысле, чтобы сложилась целостная картина, важно находить отдельные, не всегда отчетливо видные его проявления применительно к странам, континентам, географическим ареалам, цивилизациям и культурам.

2. Рассматривая конституционализм как социокультурный и политико-правовой феномен, систему социальных и политико-правовых отношений, формируя научную категорию конституционализма, в качестве первоосновы и исходного его параметра следует признать принцип формального равенства, от которого произведен весь спектр появившихся в разное время прав и свобод и их юридических гарантий. При характеристиках конституционализма необходимо исходить из многообразия его проявлений и форм и прежде всего определять силу

¹⁷ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря / под ред. П. А. Зайончковского : в 2 т. М., 1966. Т. 1 : 1883—1886 гг. С. 228.

¹⁸ См.: Кравец И. А. Стратегический конституционализм и конституционная коммуникация: теоретические и методологические, правовые и информационные аспекты // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 5—22.

его воздействия на общество, степень легитимации прав человека и справедливости как социальных ценностей.

3. В ситуациях, связанных с реформами и революциями, борьбой различных политических сил за выбор пути развития, установлением новой системы отношений в обществе, конституирующие начала порой не сразу обретают целостную и завершенную форму, получают надлежащее юридическое оформление в основном законе. Да и само принятие конституции может оказаться под вопросом в силу сложившихся социальных и политических условий, поэтому возможна фрагментация конституционных принципов и институтов в различных нормативных правовых актах. Это требует тщательного анализа социокультурного контекста, в котором появляется конституционализм.

4. Поскольку для юристов имеет важное значение нормативная правовая регламентация конституционных принципов и институтов, будет правильным вести речь о нормативном правовом оформлении конституционализма в России начиная со второй половины XIX в., с реформ, проводимых правительством Александра II, задавших импульс социально-экономической и политической модернизации общества и поднявших Россию на новый уровень правовой культуры. В Судебных уставах 1864 г. содержались конституционные по своей сути принципы и институты: судебная власть отделялась от административной; российские подданные, независимо от сословной принадлежности, объявлялись равными перед законом и судом и получили право на судебную защиту, вводился суд присяжных как форма участия представителей общества в рассмотрении уголовных дел.

В завершение можно отметить, что значимые для российской правовой науки проблемы, касающиеся появления и реального воплощения конституционных принципов и институтов, формирования правоотношений на конституционной основе и легитимации конституционного правопорядка, еще ждут своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Варламова Н. В.* Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация : монография. — М. : ИГП РАН, 2024. — 624 с.
2. *Графский В. Г.* Конституционализм как предмет изучения // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2009. — № 3. — С. 3—13.
3. *Зорькин В. Д.* Право против хаоса. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма ; Инфра-М, 2019. — 368 с.
4. *Кравец И. А.* Культурная экспансия конституционализма и государственно-правовая традиция: российский опыт на перекрестке XX — XXI веков // Право — явление цивилизации и культуры. — Вып. I / отв. ред. М. В. Немытина. — М. : РУДН, 2019. — С. 298—309.
5. *Кравец И. А.* Стратегический конституционализм и конституционная коммуникация: теоретические и методологические, правовые и информационные аспекты // Журнал российского права. — 2024. — № 4. — С. 5—22.
6. *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2005. — 574 с.

7. *Немытина М. В.* Российский конституционализм как внутрисистемный реформизм: вторая половина XIX — начало XX в. // Конституция и права человека: современная доктрина и практика : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. — М. : ИГП РАН, 2021. — 400 с.
8. *Немытина М. В.* Российский конституционализм как политико-правовой феномен // Историко-правовые исследования: новый ракурс. — 2023. — № 3. — С. 106—117.
9. *Нерсесянц В. С.* Философия права : учебник для вузов. — М. : Инфра-М ; Норма, 1997. — 652 с.
10. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1994. — Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. — 352 с.
11. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря / под ред. П. А. Зайончковского : в 2 т. — М. : Наука, 1966. — Т. 1 : 1883—1886 гг. — 551 с.
12. *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). — М. : Юрист, 2001. — 292 с.

